

УДК 821.112.2

КОНЦЕПЦИЯ ЛЮБВИ В НОВЕЛЛЕ И.В. ГЁТЕ «БЕЗУМНАЯ СКИТАЛИЦА»

Л.И. СЕМЧЁНОК

(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)

e-mail: L.siamchonak@psu.by

Представлено гётевское видение феномена любви на материале новеллы «Безумная скиталица» из романа «Годы странствий Вильгельма Мейстера». Авторская трактовка проблемы анализируется с опорой на систему художественных образов и мотив. Особое внимание уделено отличиям гётевского перевода от французского оригинала. Делается вывод о том, что любовь у Гёте выступает в роли катализатора для избавления героя от социальных условностей и обнаружения внутренней сети человека.

Ключевые слова: концепция, любовь, верность, разум, чувства, воля, личность.

Введение. Осмысление феномена любви – одна из центральных тем произведений И.В. Гёте (*Johann Wolfgang Goethe*, 1749–1832) первого десятилетия XIX века. В 1806 г. писатель возвращается к своей драме «Стелла» (*Stella*, 1775), созданной ещё в период «Бури и натиска», и превращает написанную когда-то «пьесу для любящих» в настоящую трагедию [1, стб. 507]. На смену утопической готовности героев 1775 г. выстроить гармоничные отношения втроем (жена, муж и его любовница) приходит неминуемая гибель виновников разрушения семьи: Фернандо стреляется, а Стелла принимает яд. В редакции 1806 г. история о любовном треугольнике не допускает возможности мирного разрешения конфликта между любовными чувствами и брачными обязательствами, а завершается в полном соответствии с общественными нормами и моральными устоями. Кроме того, в мае 1807 г. Гёте записывает свою версию сказки о прекрасной Мелузине (*Neue Melusine*). В ней в аллегорической форме автор рисует читателю весь трагизм притязаний влюбленных на безусловную любовь, требующую от партнера отказа от собственной идентичности и стирания внутренних границ. Вслед за этим (летом 1807 г.) Гёте работает над новеллой «Пятидесятилетний мужчина», в которой разрабатывает тему увлечения пожилого майора его молодой племянницей. Чуть позже (зимой 1807–1808 гг.) под впечатлением от общения с юной Минхен Херцлиб (*Wilhelmine Herzlieb*, 1789–1865) из-под пера Гёте выходит цикл сонетов, ставших своего рода сублимацией чувств шестидесятилетнего писателя к восемнадцатилетней девушке¹. Напомним, что лишь за год до этого (в октябре 1806 г.) Гёте сочетался законным браком с Кристианой Вульпиус (*Johanna Christiana Sophie Vulpius*, 1765–1816) и увлечение поэта юной Вильгельминой могло «обернуться бедой для многих» [2, с. 378]. О масштабах возможной трагедии можно судить по сюжету еще одного произведения Гёте этого периода. Речь идет о романе «Избирательное сродство» (*Die Wahlverwandtschaften*, 1809). Изначально роман задумывался как одна из вставных новелл повествования о Вильгельме Мейстере (апрель 1808 г), но уже через несколько месяцев он разросся до 18 глав и превратился в своего рода научную лабораторию, занятую исследованием вопроса «сомнительного союза втроем» [3, с. 320]. Волнующие отношения писателя с младшей дочерью барона фон Цигезара – Сильвией фон Цигезар (*Sylvie von Ziegesar*, 1785–1858), достигшие своего апогея во время их совместного отдыха в Карлсбаде летом 1808 г.², вносили в проблематику произведения особую остроту и глубину. В это же время параллельно с «Избирательным родством» Гёте работал над подготовкой к печати еще одной новеллы, герои которой становятся очередными жертвами любовных страстей и романтических мечтаний. Речь идет о рассказе «Безумная скиталица» (*Die pilgernde Törin*, 1808), ставшем объектом данного исследования.

Целью исследования является выявление специфики трактовки любви в рассказе Гёте о безумной страннице. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- выявить особенности гётевского представления феномена любви в исследуемом произведении и раскрыть особенности его трактовки в контексте общей проблематики романа «Годы странствий Вильгельма Мейстера» (*Wilhelm Meisters Wanderjahre oder die Entsagenden*, 1821–1829);
- рассмотреть художественные образы, использованные автором для раскрытия сути данного феномена.

Основная часть. В начале XIX века И.В. Гёте начинает работу над продолжением истории о Вильгельме Мейстере. Параллельно с разработкой основной сюжетной линии появляются рассказы «Безумная скиталица» (*Die pilgernde Törin*), «Пятидесятилетний мужчина» (*Der Mann von fünfzig Jahren*), «Смуглолицая девушка» (*Das nussbraune Mädchen*), ставшие впоследствии частью романа «Годы странствий Вильгельма Мейстера» и исследующие причины любовных терзаний и сердечных трагедий героев. Первые читатели познакомились с этими произведениями в отрыве от романного контекста, так как вначале они публиковались в отдельных выпусках брошюрных журналов для женщин (ежегоднике «*Taschenbuch für Damen*»).

Роман «Годы странствий Вильгельма Мейстера» относится к числу наиболее сложных произведений классика и до сих пор вызывает оживленные дискуссии по поводу своего идейного содержания³. Ситуацию не спасает

¹ См. сонеты «Потрясение» (*Mächtiges Überraschen*), «Встреча» (*Freundliches Begegnen*) и др.

² К этому периоду относится создание знаменитого стихотворения на случай «К двадцать первому июня, Карлсбад, 1808. Сильвии фон Цигезар» (*Zum ein und zwanzigsten Juni, Carlsbad, 1808. An Silvie von Ziegesar*).

³ Основные векторы этой полемики наметились уже в середине прошлого столетия. Ср. позиции Эриха Трунца [4, S. 527], рассматривавшего роман в качестве «книги мудрости» позднего Гёте, и полемизировавших с ним Манфреда Карника [5] и Фолькера Нойхауза [6], выступавших с идеей открытости гётевского текста и невозможности сведения представленных в нём позиций к одному знаменателю.

даже тот факт, что сам автор в подзаголовке «Отрекающиеся», казалось бы, дал читателям в руки ключ к его пониманию⁴. Сложность интерпретации гётевского видения путей развития современного европейского общества, вступающего в эпоху капиталистических отношений, связана с особенностями художественной формы этого произведения. Вместо обычного романного сюжета с чёткой композицией автор предлагает читателям историю, распадающуюся на отдельные эпизоды, часто не связанные друг с другом и внешне не имеющие отношения к судьбе главного героя. Вместе с тем, являясь составной частью единого художественного целого, именно эти фрагменты вносят коррективы в понимание проблематики всего произведения. Самоотречение и подчинение собственной воли и чувств интересам целого – таков идейный вектор странствий главного героя романа, в полемику с которым вступает художественный мир новеллы «Безумная скиталица». Экстравагантная выходка гостя, остановившейся в доме знатного семейства, обнаруживает истинную сущность странствующей красавицы, пытающейся всех убедить в том, что человек способен контролировать свои влечения и желания.

«Безумная скиталица» не пользуется такой популярностью у исследователей, как другие вставные рассказы из «Вильгельма Мейстера». В большинстве случаев авторы работ по истории немецкой новеллистики ограничиваются беглым указанием на то, что Гёте включил в свой последний роман собственный перевод истории о помешанной страннице⁵. Эта история была опубликована еще в 1789 г. в одном из номеров альманаха «*Cahiers de Lecture*». «Безумная скиталица» служит чаще свидетельством обращения Гёте к «классическим образцам романской новеллистики» [10, S. 31], но редко рассматривается в контексте осмысления гётевского понимания феномена любви. Причина сдержанного интереса к переводной новелле кроется, по всей вероятности, в высокой степени «соответствия гётевского текста французскому оригиналу» [11, S. 56]. Вместе с тем, проведенный исследователями сопоставительный анализ текстов обнаружил ряд отклонений гётевского варианта новеллы от французского первоисточника⁶. Часть изменений, внесенных Гёте, носила стилистический характер, другая часть привела к определенным семантическим сдвигам, что, в свою очередь, способствовало смещению смыслопорождающих акцентов всего рассказа. Не случайным является и тот факт, что, прежде чем «Безумная скиталица» заняла окончательное место во втором издании романа (1829), прошло долгих 30 лет.

Знакомя читателей с господином де Реванном, повествователь подчёркивает его умелую хозяйственную деятельность, позволяющую обеспечить пропитанием «*чуть ли не половину обитателей шестимильной округи*» [13, с. 45]. Богатый землевладелец выступает воплощением разумности и трезвого расчета: он выгодно сдаёт в аренду участки земли, развивает мануфактуру. Старший де Реванн – воплощение упорядоченной жизни с чёткой системой ценностных координат. Его знакомство с паломницей – событие исключительное, выпадающее из привычной модели поведения просвещенного барина. Отправляясь на охоту, он берёт с собой книгу и ружье, чётко очерчивающие систему жизненных ценностей героя, – его претензии на образованность и желание властвовать (оружие символизирует волю и мужественность). Встреча де Реванна с незнакомкой происходит в небольшой роще (*in einem Lustwäldchen*), отделенной от остального мира «*густым подлеском*» [13, с. 45]. Гёте убирает из первоисточника описание благ, которые дарит путнику перелесок в любое время года, а концентрирует внимание на том, что место встречи героев осталось не подверженным упорядочивающему воздействию человека: рослые стволы деревьев, густой пролесок, бьющий из-под земли родник, хоть и огороженный, но льющий свои воды «*дальше по корням, камням и травам*» [13, с. 45]. В роще герой освобождается от регулирующего воздействия социальных норм и правил, здесь обнаруживаются его желания и порывы, табуируемые в обычной жизни. На лоне природы г-н де Реванн оказывается совершенно безоружным при встрече с прекрасной скиталицей. Беспомощность героя перед очарованием молодости, его неспособность контролировать ситуацию демонстрирует книга, выпавшая из его рук. Гёте не скупится на слова и описывает странницу в более выгодном свете, чем это делал автор французского текста. Так, имеющийся в первоисточнике намёк на усталость, едва промелькнувший на лице красавицы, Гёте опускает. Наоборот, длительная ходьба придаёт гётевской девушке живой румянец. Усилено в переводе и потрясение де Реванна от созерцания девицы: присутствующее во французском тексте восхищение дополнено у Гёте замечанием, что незнакомка обладала безупречной внешностью.

Подчеркивая невероятное впечатление, которое молодая особа произвела на пожилого мужчину, автор даёт читателю ключ к пониманию причин необычного поведения respectable господина в отношении красавицы. Водная стихия (знакомство героев проходит в непосредственной близости от струящегося ручья) и изолированность от внешнего мира пробуждают чувственные влечения героя. Выход де Реванна за рамки социальных условностей позволяет ему пригласить в дом незнакомую женщину, своим поведением нарушающую нормы этикета. Ведь сначала появление на дороге одинокой девушки «*с безупречностью сложения, осанки и манер*» обескураживает де Реванна «*явным нарушением правил хорошего тона и дворянского этикета*» [11, S. 58]. Заметив прекрасную путницу, почтенный господин невольно встает на ноги, чтобы взглянуть на дорогу, «*предполагая увидеть следующую за ней свиту*» [13, с. 45]. Герой настолько дезориентирован несоответствием внешнего

⁴ «Годы странствий Вильгельма Мейстера» – единственное произведение И.В. Гёте, имеющее двойное название, что, по мнению Э. Трунца, имеет особый смысл. Ведь первая часть заглавия даёт понять, что роман тематически продолжает историю жизни героя романа «Годы учения Вильгельма Мейстера». Вторая часть «указывает на его идейный стержень» [4, S. 555].

⁵ См. труды Иоганнеса Кляйна «История немецкой новеллы от Гёте до наших дней» [7, S. 72], Гельмута Химмеля «История немецкой новеллы» [8, S. 56–57], Бенно фон Визе «Немецкая новелла от Гёте до Кафки» [9].

⁶ Наиболее детальный анализ был представлен в диссертации Гертруды Гаупт-Фрёлих «Гётевские новеллы «Святой Иосиф Второй», «Безумная скиталица», «Кто предатель» [12].

вида странницы и ситуации, в которой происходит знакомство, что в первый момент не знает, как себя вести, «что сказать, что делать» и изучает внешность скиталицы, стараясь определить стратегию дальнейшего поведения. Свои наблюдения он резюмирует парадоксальным утверждением: «Ничто в ней не напоминало бродяжку, – и всё же она была бродяжкой» [13, с. 46]. Рассудок фиксирует все подозрительные моменты в поведении красавицы, в то время как природно-чувственное начало героя тонет в «широко открытых синих глазах» странницы, «незамутнённо-чистых и блистающих как небо» [13, с. 46].

Г-н де Реванн старается завязать с незнакомкой светскую беседу, чтобы выяснить происхождение девушки и причину её бродяжничества. Но делает он это неловко, так как посвященная в культурный код речевого этикета скиталица тут же чувствует укор, скрытый в комплементах. Её ответы не только не проясняют ситуации, они возбуждают у г-на де Реванна ещё больший интерес, так как обнаруживают двойственность натуры загадочной странницы. «Я одна на целом свете», – заявляет она де Реванну с первых минут знакомства. А затем добавляет: «Родители у меня есть и знакомых довольно, но друзей нет» [13, с. 46]. Сетуя на одиночество, девушка тут же проговаривает условия, предъявляемые ею к хозяевам того или иного благородного дома, выбранного в качестве временного пристанища. Никто «не имеет права» расспрашивать её «об имени и родине» [13, с. 46]. Свои отношения с новыми знакомыми, принявшими её, героиня выстраивает на принципах взаимовыгодного товарного обмена. Она «платит за содержание услугами, приличествующими её воспитанию» [13, с. 46], исключая доверительно-дружеское общение, и при этом жалуется де Реванну на своё духовное одиночество. Подозрительными выглядят и пространные рассуждения девицы о том, что «честь женщины даже среди разбойников с большой дороги подвергается опасности, лишь если она сама слаба сердцем и не имеет твердых правил». В устах девушки, «что ходит лишь в те часы и по таким дорогам, что бояться ей нечего», да и заговаривает «не со всяким», а останавливается на время только «в благородных домах», подобное заявление – не более чем софизм, приятный сознанию скиталицы, упивающейся своей идеей безусловной верности [13, с. 46].

В один из вечеров, чтобы отплатить хозяевам за гостеприимство, девушка исполняет романс о неверном возлюбленном, который обманул свою «прекрасную даму», изменил ей с дочкой мельника и за это был наказан [13, с. 50]. Своё благочестивое путешествие во имя верности она противопоставляет скитаниям по лесу полунагого героя романа, спасающегося бегством от родственников очаровательной мельничихи, которые требуют от молодого человека жениться на девице. Верность в любви, доведенная до абсолюта, возвышает героиню в собственных глазах. Она же превращает её в безумицу, смыслом жизни которой становится навязчивая идея доказать «дружку с мельницы», что «мужчины и женщины бывают неверны только по своей воле» [13, с. 56]. Безумная скиталица, настаивающая на возможности контролировать свои плотские влечения с помощью разума и воли, такая же заложница чувств, как и обманувший её «дружок с мельницы». Она не в состоянии позабыть о своей любви к бывшему другу и отпустить молодого человека. Напротив, вся её жизнь посвящена тому, чтобы заставить неверного увидеть в ней личность, достойную любви и уважения. Ревностно оберегая свою тайну, она болезненно реагирует на вопросы личного характера и засыпает присутствующих нравственными сентенциями, каждую из которых изобретательный ум Герсиллии (героини рамочного повествования романа) мог бы с лёгкостью вывернуть наизнанку. Осознание собственной сопричастности законам жизненной мудрости, зафиксированным в афоризмах, возвышает героиню, превращает её в собственных глазах в мученицу, страдающую ради утверждения высшей истины. Нравоучительные сентенции необходимы скиталице для того, чтобы спрятаться за ними («sich verstecken» [14, S. 59]) от правды жизни, далекой от «моральной казуистики» [15, S. 83].

Неосторожный вопрос обитателей поместья о знакомстве героини с промёрзшим героем её романа задевает девушку за живое, обнажает несоответствие между реальной жизнью и моральными догмами, которые она проповедует. Героиня не просто бежит подобно беспомощной лани, спасаясь от преследования, (ср. её же афоризм: «Если лань бежит, в этом не её вина» [13, с. 52]), она надеется взять реванш за свои страдания, заставив дружка с мельницы «пожалеть об утраченном» [13, с. 56]. Упоминание адресата, ради которого девица и демонстрирует свою стоическую верность, – свидетельство того, что все жертвы скиталицы приносятся во имя неверного друга (und das wollte ich dem Freunde von der Mühle beweisen – это я и хотела доказать своему другу с мельницы [13, с. 64]), а вовсе не из желания нормализовать отношения с отцом и сыном де Реванн, которые потеряли от любви голову. Стоическая верность бывшей возлюбленной должна открыть юноше глаза на ошибку, которую он совершил, не сумев оценить нравственные качества прежней подруги.

Безумная выходка незнакомки, завершившая её знакомство с семейством де Реванн, – финальный аккорд в демонстрации скиталицей своего морального превосходства над окружающими. С челом ясным и безмятежным, подобно проповеднице, даёт она последние наставления сбитому с толку молодому де Реванну. Изливаемый на голову юноши поток нравоучительных сентенций⁷ выдержан в стилистике новозаветных наставлений⁸, что подчеркивает претензии незнакомки на признание её сопричастности высшим законам бытия.

Заключительная сцена объяснения героев – поворотный пункт в жизни семейства де Реванн и момент истины для самой скиталицы, обнаруживающий подлинные мотивы её странствия. Фанатичное стремление девицы воплотить в жизнь рыцарские идеалы верности и преданности превращают её в безумицу. Она воображает себя

⁷ См. у Гёте: «Кто презрит просьбу бедствующей невинности, сам когда-нибудь станет просить и не будет услышан. Кто без зазрения совести пренебрегает совестью беззащитной девушки, сам падёт жертвой бессовестных женщин. Кто не чувствует, что должна испытывать честная девушка, когда ее домогаются, тот теряет её по заслугам. Кто строит расчёты вопреки разуму, вопреки намерениям и планам своей семьи, но зато в угоду своей страсти, по заслугам не получает от своей страсти плодов и лишается уважения семейства» [13, с. 53–54].

⁸ См. Евангелие от Матфея 10:39.

мученицей и не желает признаться даже себе в чувствах к бывшему другу. Сознаться в неспособности сопротивляться любви, значит признать за бывшим возлюбленным право на такие же чувства в отношении дочки мельника. Это задевает самолюбие *«прекрасной дамы»*, поэтому гораздо спокойнее спрятаться за клише о верности и измене и нести себя миру как жертву мужской неверности.

Испытание любовью оказывается не под силу ни одному из действующих лиц новеллы. Прекрасная незнакомка бежит от любви в иллюзорный мир рыцарских идеалов и добродетелей. Влюбленный г-н де Реванн вступает в соперничество с собственным сыном, прекрасно понимая, *«что взять над ним верх, не прибегая к средствам, не подобающим человеку твердых правил»*, не получился [13, с. 53]. Молодой де Реванн, еще недавно угрожавший *«лишить себя жизни ради неумолимой»* [13, с. 54], бросается на защиту собственных материальных интересов, едва узнаёт об угрозах отца лишить его части наследства.

Экстравагантная выходка красавицы подобна лакмусовой бумажке, обнаруживающей истинную суть героев. В сцене объяснения с главой семейства девушка не упоминает о беременности, признания гостя сформулированы в обтекаемой форме. Выводы г-на де Реванна – плод его разыгравшегося воображения, питаемого страхом оказаться в роли проигравшего претендента на сердце возлюбленной. Он прекрасно понимает, что единственным его преимуществом является его богатство, поэтому он готов ради самоутверждения, пустить в ход свой главный козырь. Лишая сына части наследства, пожилой барин вновь ощущает себя хозяином положения.

Заключение. В новелле И.В. Гёте о безумной страннице необычное смещено во внутренний мир героев. Сердечные перипетии служат плодотворной почвой для раскрытия их индивидуальности, обнаружения истинных мотивов их поведения, способствуют «разгадке тайн человеческой личности» [10, S. 32]. Расширение и обновление утверждаемой в рамочном повествовании универсальной модели гармоничного сосуществования разума и чувства осуществляется в новелле через обнаружение различного рода уловок и ухищрений, с помощью которых человек пытается завуалировать свои желания и потребности. Любовь у Гёте выступает в роли катализатора, избавляющего человека от социальных условностей и обнаруживающего его внутреннюю сеть. Попытки героя подавить в себе любовные порывы при помощи волевого акта оказываются неудачными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пуришев, Б.И. Гёте / Б.И. Пуришев // Литературная энциклопедия : в 12 (10) т.; гл. ред. А. В. Луначарский, 1929–1939. – Т. 2 (Были – Гриб). – М. : Издательство коммунистической академии, 1929. – Стб.507–508.
2. Конради, К.О. Гёте: Жизнь и творчество : [пер. с нем.] : в 2 т. / К.О. Конради. – М. : Радуга, 1987. – Т. 2. : Итог жизни. – 648 с.
3. Конради, К.О. Гёте: Жизнь и творчество : [пер. с нем.] : в 2 т. / К.О. Конради. – М. : Радуга, 1987. – Т. 1. : Половина жизни. – 600 с.
4. Trunz, E. Nachwort zu Wilhelm Meisters Wanderjahre oder die Entsagenden // Goethe. Werke (Hamburger Ausgabe) : in 14 Bde. – München : Deutscher Taschenbuch Verlag, 1998. – В. 8 : Romane und Novellen III. – S. 527–707.
5. Karnik, M. Wilhelm Meisters Wanderjahre oder die Kunst des Mittelbaren. Studien zum Problem der Verständigung in Goethes Altersepoche / M. Karnik. – München : W. Fink, 1968. – 237 S.
6. Neuhaus, V. Die Archivfiktion in Wilhelm Meisters Wanderjahren / V. Neuhaus // Euphorion. Zeitschrift für Literaturgeschichte ; Hrsg. G. Rainer, A. Henkel. – Heidelberg : Winter, 1968. – № 62. – S. 13–27.
7. Klein, J. Geschichte der deutschen Novelle. Von Goethe bis zur Gegenwart / J. Klein. – Wiesbaden : Franz Steiner, 1960. – 674 S.
8. Himmel, H. Geschichte der deutschen Novelle / H. Himmel. – Bern : Francke, 1963. – 545 S.
9. Wiese, B. v. Die deutsche Novelle von Goethe bis Kafka. Interpretationen : 2 Bde. / B. v. Wiese. – Düsseldorf : Bagel, 1956–1962. – Bd. 1. – 350 S.
10. Kunz, J. Die deutsche Novelle zwischen Klassik und Romantik / J. Kunz. – Berlin : Erich Schmidt, 1966. – 164 S.
11. Herwig H. Das ewig Männliche zieht uns hinab: «Wilhelm Meisters Wanderjahre». Geschlechterdifferenz, sozialer Wandel, historische Anthropologie / H. Herwig. – Tübingen [u.a.] : Francke, 1997. – 467 S.
12. Haupt-Fröhlich, G. Goethes Novellen «Sankt Josef der Zweite», «Die pilgernde Törin», «Wer ist der Verräter» : Diss / G. Haupt-Fröhlich. – Greifswald, 1913. – S. 37–64.
13. Гёте, И.В. Годы странствий Вильгельма Мейстера, или Отрекающиеся : пер с нем. / И.В. Гёте // Собр. соч. : в 10-ти т. – Т. 8: Годы странствий Вильгельма Мейстера или Отрекающиеся ; под общ. ред. А. Аникета и Н. Вильмонта. – М. : Худож. лит., 1979. – 462 с.
14. Goethe, J. W. Wilhelm Meisters Wanderjahre oder die Entsagenden / J.W. Goethe // Goethe. Werke (Hamburger Ausgabe) : in 14 Bnd. – München : Deutscher Taschenbuchverlag, 1998. – В. 8 : Romane und Novellen III. – 711 S.
15. Henkel, A. Entsagung. Eine Studie zu Goethes Altersroman / A. Henkel. – Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 1964. – 171 S.

Поступила 07.06.2022

THE CONCEPT OF LOVE IN GOETHE'S NOVELLA "THE MADWOMAN ON A PILGRIMAGE"

L. SIAMCHONAK

The aim of this article is to present the Goethe's vision of the phenomenon of love on the material of the novella "The Madwoman on a Pilgrimage" from the novel "Wilhelm Meister's Years of Travel". The author's interpretation of the problem is analyzed on the basis of the system of literary images and motives. Particular attention is paid to the differences between Goethe's translation and the French original. It is concluded that love in Goethe's novella functions as a catalyst for the hero's deliverance from social conventions and the discovery of the person's essence.

Keywords: concept, love, faithfulness, mind, feelings, volition, personality.